

П. К. Доброцветов

Невеста жениха в притче о десяти девах (Мф. 25:1–13) по святоотеческим толкованиям

Статья рассматривает Евангельскую притчу о десяти девах (Мф. 25:1–13) с непривычного ракурса, выражаемого в вопросе о невесте жениха. С одной стороны, отвергая буквалистское понимание данной притчи, как полигамное и потому входящее в противоречие с евангельским моногамным идеалом, с другой стороны автор обращает внимание на тенденцию к разрыву между буквальным и духовным смыслами в ее понимании, а также на отсутствие истолкования ее в самом евангельском тексте. Обращение за пояснениями к святоотеческой экзегезе обнаруживает как две текстуальных традиции евангельского текста (Вульгата–Пешитта и греческая традиция), первая из которых включает упоминание *о невесте Жениха*, так и вытекающих из них трех выявленных экзегетических традициях понимания сути самого брака в этой притче. Исследование обнаруженных святоотеческих толкований упоминания *о невесте Жениха* открывает христологический, еkkлезиологический и психологический аспект у ряда латинских экзегетов III–VII вв., а также стремление к их гармоничному сочетанию в экзегезе блж. Августина Гиппонского.

Ключевые слова: притча о десяти девах (Мф. 25:1–13), святоотеческая экзегеза, экзегетические традиции, Вульгата, Пешитта, моногамия, полигамия, Августин Гиппонский.

Павел Кириллович Доброцветов – кандидат философских наук, кандидат богословия, доцент Московской духовной академии (agathantos@list.ru)

Внимательное чтение и усвоение в ходе повседневной церковной и литургической жизни деталей библейского текста, в первую очередь Евангельского, порой приводит к постановке некоторых неожиданных вопросов, заставляя читателя переосмыслить и уточнить уже усвоенное и сформированное представление о конкретных сюжетах священного повествования. Тем более такая смысловая «подвижность» открывается при изучении Евангельских притч — таких мест, которые изначально настраивают на глубину восприятия, предполагая иносказательность и неоднозначность смысла. В данном движении постижения библейского текста, в открытии возможных новых для читателя смыслов или в подтверждении правильности интерпретации несомненную важность для православного читателя имеет и святоотеческая экзегеза. В данной статье мы рассмотрим известную Евангельскую притчу Господа Иисуса Христа о десяти девах (Мф. 25:1–13). Замечательные слова по поводу этой всем известной притчи можно встретить у блж. Августина: «Среди притч, рассказанных Господом, обычно весьма занимает вопрошающих та, что предложена в отношении десяти дев. И многие извлекли из нее многое, не противоречащее вере. Нужно, однако, позаботиться о том, чтобы в изъяснении ее все части были согласованы»¹. Избрав эти слова блж. Августина в качестве некоторого методологического императива, можно прийти к некоторым неожиданным выводам, о которых речь пойдет ниже.

Итак, известная притча говорит про десять дев и изображает собой эсхатологическую встречу спасенных со Христом в Царстве Небесном. В ней говорится о том, что девы, *взяв светильники свои, вышли навстречу жениху* (Мф. 25:1). Из сюжета притчи известно, что сначала *жених замедлил... Но в полночь раздался крик: вот, жених идет, выходите навстречу ему* (Мф. 25:4–5). Затем, как извест-

¹ Блж. Августин Иппонский. О 83 различных вопросах. 59, 1 // Блаженный Августин. Трактаты о различных вопросах. Богословие. Экзегетика. Этика. М., 2005. С. 105–106.

но, пришел жених, и готовые вошли с ним на брачный пир, и двери затворились (Мф. 25:6, 10). Притча включает в себя целый ряд важных для христианского благовестия и духовной жизни символических элементов, как понимание различия мудрых и глупых дев, их девства, масла в светильниках и т. д., которые, однако, в данном случае не являются предметом исследования. Хотелось бы взглянуть на притчу с другой стороны: если притча о браке, о свадьбе, и известен жених, то уместен вопрос: *а кто его невеста?* Однако здесь читатель, как представляется, обнаруживает известный штамп восприятия данного библейского места. Конечно, поскольку Евангелие само по себе настраивает на очень высокий лад, предписывает высочайшую духовность, отрешение в земной жизни от тела с его заботами, аскетизм, то *религиозно вовлеченный* читатель наверно и не задается подобным вопросом — *на ком женится жених*. В свете некоторого интуитивного «койне» воспринимаемого смысла данного текста, а также некоторого среднего «consensus patrum» его святоотеческих толкований само собой разумеется, что жених это Христос, а пять дев — очевидно те из христиан, которые в своей жизни сподобились приобрести и сохранить некоторый ценный елей.

Церковные экзегеты дают разные варианты истолкований елей в этой притче: благодать Божия, свет, плод добродетели в душе¹, добродетель², «человеколюбие, милосердие и помощь бедным» при наличии буквально понимаемого девства³, духовная радость, по толкованию того же Августина⁴, «елей внутренней чистоты» при телесном дев-

¹ *Свт. Григорий Нисский*. О цели жизни по Богу. 9 // *Григорий Нисский, свт.* Аскетические сочинения и письма. М., 2007. С. 199.

² Там же.

³ *Свт. Иоанн Златоуст*. Толкование на Евангелие от Матфея. 78, 1 // Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста. Т. 7. Кн. 2. М., 2001. С. 785.

⁴ *Блж. Августин Иппонский*. О 83 различных вопросах. 59, 3. С. 107.

стве¹ и т. д., что дало возможность девам из притчи войти в Царство Небесное на брак с Женихом-Христом.

Кроме того, в качестве некоторой библейской «брачной» параллели на втором плане фигурирует Песнь Песней с известными святоотеческими толкованиями на нее, где под видом буквального ветхозаветного любовного повествования говорится о мистическом союзе, браке Жениха-Христа с отдельной душой, возлюбившей Его. Но это, как известно, толкование и толкование аллегорическое, по сути отменяющее собой сколько-нибудь значимый в религиозном отношении буквальный смысл этой ветхозаветной книги.

Таким образом можно констатировать, что в целом Библия настраивает религиозного читателя на такой «высокий лад», что неудобный вопрос — с кем собирается вступать в брак жених — на ум читателю и вовсе не приходит. В восприятии читателя происходит, так сказать, «дематериализация» притчи, ее «развоплощение», потеря «плотности» буквального смысла, когда ум «воспаряет» от земных деталей притчи к той умопостигаемой или эсхатологической реальности, которая в ней содержится. А некоторые буквальные детали притчи, не слишком важные, но скорее вспомогательные и создающие контекст, оказываются, образно говоря, своего рода отброшенными ступенями взлетающей ракеты, сгорающими в атмосфере при таком «анагогическом взлете» мысли толкователя. И как представляется, это же происходит и у большинства благочестивых читателей. Поэтому некоторое затруднение по поводу невесты жениха в этой притче, что невест здесь оказывается сначала десять (что можно было бы истолковать как своего рода смотрины перед свадьбой), а потом остается пять, разрешается из такого усредненного толкования так, что поскольку брак-то не простой, а мистический, относящийся к эсхатологии и жизни будущего века, то и всякие неудобные вопросы отпадают сами собой.

¹ *Преп. Иоанн Кассиан. Собеседование. XXII, 6 // Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. Писания. СТСЛ., 1993. С. 574.*

Но далее, у пытливого читателя возникают некоторые недоумения. Не стоит забывать про аудиторию, которой Господь произносит эти притчи — это апостолы. Он ведь неоднократно порицает Своих слушателей — иудеев и даже апостолов — за приземленность, узость мышления, «материализм» и буквализм в понимании Св. Писания или деяний, совершённых Самим Христом, так что иудейский буквализм со временем стал неким *locus communis* в христианском представлении: *И сказал им: вам дано знать тайны Царствия Божия, а тем внешним все бывает в притчах* (Мк. 4:11). А раз так, то буквальное понимание притчи в данном случае оказывается пока единственным достоянием таких тогдашних духовно-непонятливых (а вполне также можно предположить — и некоторых сегодняшних въедливых неакадемически исследующих Писание) слушателей Христовой притчи. Если попытаться представить, спустившись с высоты Христовых учеников, что же эти непосвященные простецы в своем раздумьи понимают, осмысляя букву притчи из уст великого Учителя? Стоит сказать откровенно, что речь как-будто идет о полигамии — о состоявшемся браке жениха с пятью невестами. Отметим, что в самих словах Христовой притчи это преподносится без всякого порицания, и даже предстает как выражение некой желанной цели стремления учеников Христа.

Однако отметим, что та же самая аудитория, те же апостолы слышали еще прежде того другие слова Христа:

Он сказал им в ответ: не читали ли вы, что Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их? И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает (Мф. 19:4–6). Я говорю вам: кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, [тот] прелюбодействует; и женившийся на разведенной прелюбодействует (Мф. 19:9).

Таким образом, все нравственное учение Христа о браке строго моногамно, и его подтверждает и учение Апостольских Посланий. Ветхозаветная же полигамия была уже даже Моисеевым Законом постепенно отвергнута, и если свидетельства о ней есть в истории, то они воспринимаются как уступка человеческой слабости, нравам того времени.

Итак, с одной стороны аудитория Христа должна была возвышаться до уровня духовного понимания брака как чего-то более строгого, чем установления Моисеева Закона, допускающего развод (Мф. 19:7–9). А с другой стороны, Тот же проповедник рассказывает историю про счастливый брак жениха с пятью невестами. И представляется, что данный рассказ в его буквальном понимании (а другого, еще раз подчеркнем, у тогдашних «буквалистов» за, допустим, редким исключением и быть не могло) входит в прямое противоречие с высочайшим и строжайшим нравственным учением Христа. Неужели здесь не возникает проблемы или соблазна? Разве не может пусть даже образное повествование по своей буквальной стороне вызывать соблазн даже при осведомленности о его иносказательном значении? А тут ситуация представляется еще более острой.

И кроме того, следует обратить внимание на то, что некоторые другие притчи Господь объясняет Своим ученикам и в т. ч. по их просьбе, раскрывая их таинственный смысл, которого ученики первоначально не поняли. В данном же случае видно, что никто из апостолов по поводу этой притчи ни о чем Христа не спрашивает. Остается предположить возможные причины этого: 1) либо всем присутствовавшим было все понятно в этой притче в ее высшем смысле; 2) либо все обратили внимание на другие ее элементы — более понятные, а на этот — нет; 3) либо эта притча растворилась в контексте того чрезвычайно насыщенного учения, которое в тот момент преподавал Своим ученикам Христос; 4) либо здесь скрывается некая тайна, как это нередко констатировали экзегеты, в основном александрийские (см. известное учение Оригена о

«камнях соблазна и преткновения» — противоречивых, противных нравственности и здравому смыслу мест (слов, предложений, повелений, обстоятельств и т. п.), с точки зрения александрийского экзегета, специально заложенных Богом в текст Библии, чтобы приводить внимательного читателя в оторопь, удивление и пробуждать у него интерес к поиску более глубинного и более важного — таинственного, аллегорического смысла Св. Писания как непосредственного Божественного Откровения, смысла, примиряющего все внешние несообразности буквального смысла). Таким образом, сам текст притчи не дает нам прямого ответа на поставленный вопрос, а потому, руководясь все тем же Св. Писанием, указывающим на недостаточность самого Св. Писания для его правильного понимания, *зная прежде всего то, что никакого пророчества в Писании нельзя разрешить самому собою* (2 Пет. 1:20), с целью избежать протестантского соблазна субъективизма в толковании, следует обратиться к Св. Преданию, т. е. к святоотеческим толкованиям.

Рассмотрение их приводит к выводу о неоднородности традиций прочтения и отсюда — толкования, данного места.

Первая традиция фиксируется в Вульгате и Пешитте (сирийском тексте Библии IV–V вв.) и содержит в себе упоминание о *невесте* жениха: *Тогда Царство Небесное подобно будет десяти девам, которые, взявши светильники свои, вышли навстречу жениху и невесте* (Tunc simile erit regnum caelorum decem virginibus : quae accipientes lampades suas exierunt obviam *sponso et sponsae*; *ḥatnā w-kaṭā*)».

Вторая традиция — греческая, при этом, как библейско-текстуальная, так и экзегетическая традиции данного слова «невеста» в этом фрагменте Мф. не содержат.

Из этих двух традиций и их сочетания вытекают три традиции понимания данного библейского места:

1) традиция с ясным упоминанием о невесте Жениха, отличной от десяти дев;

II) традиция с пониманием брака как брака Жениха с пятью девами;

III) традиция не только не упоминающая невесту Жениха, но и дев в качестве невест.

Упоминания о невесте Жениха в тексте Мф. 25:1–13 встречаются:

1) в латинской традиции впервые у свт. Виторина Пентавского (250–303) в его несохранившемся «Толковании на Евангелие от Матфея» и в сохранившейся «Гомилии на десять дев»;

2) у свт. Илария Пиктавийского (315–367) в его «Толковании на Евангелие от Матфея» (написано, по мнению Дж. Квастена, до ссылки Илария в 356 году на Восток, т. е. на Западе);

3) в «Толковании на Евангелие от Матфея» (ок. 398 г.) блж. Иеронима Стридонского, написанном в Палестине, в котором тот свидетельствует, что при написании своего толкования он пользовался трудами предыдущих экзегетов и в т. ч. свт. Виторина и Илария¹;

4) у блж. Августина, который является более частым источником цитации и объяснений по поводу невесты Жениха; он это делает как минимум в «Различных вопросах» и в проповеди № 93;

5) у Епифания Латинского (V–VI вв.)²;

¹ «Я признаюсь, что много лет тому назад я прочитал двадцать пять свитков Оригена для изъяснения Евангелия от Матфея и столько же его гомилий, а также краткий и точный способ толкования; затем толкования Феофана, епископа города Антиохии, а также мученика Ипполита, и Феодора Гераклеота, и Аполлинария Лаодикийского, и Дидима Александрийского, и маленькие творения латинян Илария, Виторина, Фортунациана, из которых я извлек, правда, немного, но нечто, достойное сохранения в памяти» (*Блаженный Иероним Стридонский. Толкование на Евангелие от Матфея. М., 2018. С. 383*).

² *Епифаний Латинский. Толкование на Евангелия. 36 // Библейские комментарии отцов Церкви и других толкователей I–VIII вв. Новый Завет. Т. 1 в. Тверь : Герменевтика, 2007. С. 269.*

6) во Французской Библии иезуитского издания с комментариями (Лион, 1834 г.), очевидно, основывающемся на Вульгате Иеронима;

7) а кроме того, что любопытно, в издании «Троицких листков», автором которых был арихиеп. Никон Рождественский в XX веке, ясно отличается единственная невеста от десяти дев, т. е. данная традиция нашла некоторый отклик и на отечественной почве.

Прямо противоположное толкование, которое можно по букве истолковать в смысле как бы полигамии, также встречается у ряда древних экзегетов:

1) Свт. Мефодий Патарский (+ 312) в сочинении «Пир десяти дев» вкладывает в уста одной из десяти (аллюзия на притчу, как представляется, весьма очевидна) дев — Агафы — такие слова: «*Я делаюсь невестою Слова и получаю в приданное вечный венец нетления и богатство от Отца... я стала священосицей незаходимого Света... ибо сонм дев всегда следует за Господом и торжествует вместе с Ним*»¹.

2) Климент Александрийский (150–215) пишет: «*Душу гностика (в положительном смысле обладателя христианского совершенства) Евангелие представляет в образе святой девы, ожидающей прихода Спасителя. Души являются девами, поскольку сохраняют свою чистоту и удаляются от всякого зла. Они ожидают Господа, храня свою любовь к Нему*»².

3) Свт. Кирилл Иерусалимский (315–397) в «Беседе предогласительной», т. е. в самом начале оглашения, торжественно говорит так: «*Я возвещаю тебе прежде, нежели придет Жених душ Иисус, и увидит одежды*»³; «*Но желая*

¹ Свт. Мефодий Патарский. Пир десяти дев. VI, 5 // Святой Мефодий, епископ и мученик. Полное собрание творений. СПб., 1905, М., 1996. С. 78.

² Климент Александрийский. Строматы. VII, 72, 5 // Климент Александрийский. Строматы. Т. 3. СПб., 2003. С. 239.

³ Свт. Кирилл Иерусалимский. Слово предогласительное. 4 // Святитель Кирилл, архиепископ Иерусалимский. Поучения огласительные и тайноводственные. М., 1991. С. 4.

посвятить душу Жениху небесному, ужели не отринешь телесного, чтобы получить духовное?»¹.

4) Свт. Григорий Богослов (330–389):

«Когда же десять чистых дев (Мф. 25:1–13), бодрствуя, с возженными светильниками и с недремленными очами ожидают вожделенного Жениха — Царя Бога... тогда не поставь меня в числе бедных умом и юродивых дев, чтобы мне, уже в самое пришествие Христова отягченными от сна очами заметив едва мерцающий блеск светильников, слишком поздно не пожелать для себя капель елея светлой жизни, и запертые двери не преградили мне входа на брак, где *Слово, великими узами любви сопрягаясь с чистыми душами, дарует им дерзновение и славу*»².

«Ты почтил и девственных жен, которые Женихом своим именуют Царя, вступающего в общение с сердцами чистейшими, и которые ожидают Христа недремленными очами, возжегши неиссяхающие светильники (Мф. 25:1–13)»³.

5) Преп. Макарий Великий (300–390) так поясняет смысл брака души с Богом: «Пять умственных душевных чувств, если примут в себя благодать свыше и святятню Духа, действительно бывают мудрыми девами, свыше принявшими в себя благодатную мудрость. А если остаются они при одном своем естестве, то делаются юродивыми и оказываются чадами мира; потому что не совлеклись духа мира, хотя сами о себе, по некоторым вероятностям и по наружности, думают, что они — невесты Жениховы. Как души, всецело прилепившиеся ко Господу, в Нем пребывают помыслом, к Нему возносят молитвы, с Ним ходят, и вожделяют любви Господней; так наоборот, души, пре-

¹ Свт. Кирилл Иерусалимский. Слово предогласительное. 6 // Там же. С. 5.

² Свт. Григорий Богослов. 27. Притчи Христовы у четырех евангелистов. 60 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. (ПСТСО. Т. 2). М., 2007. С. 42.

³ Свт. Григорий Богослов. Стихотворения исторические. О других. К Геллению. 225 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 329.

давшиеся любви к миру и восхотевшие иметь жительство свое на земле, там ходят, там пребывают мыслию, там живет их ум. А потому, несклонны они к доброму мудрствованию духа, как к чему-то необычайному для нашей природы, разумею же под сим небесную благодать, которой необходимо — войти в состав и в единение с естеством нашим, чтобы могли мы вступить с Господом в небесный чертог Царства и улучшить вечное спасение»¹.

6) Преп. Феодор Студит (759 – 826) пишет: «Если же это так, то *радуйтесь, сестры в Господе*, радуйтесь, ненавидящие радость мира, ненавидящие пристрастия к своим по плоти, ненавидящие наследство земное, ненавидящие всё вожденное в мире, ибо ваша жизнь — на небесах (ср. Флп. 3:20), и наследство — Царство Небесное, *и жених — Сам Христос, призавший вас следовать за Ним и имеющий ввести вас чрез совершенство в небесный брачный чертог вместе с мудрыми девами* (Мф. 25:1–13)»².

И наконец, третья группа толкователей данного евангельского места, которые вообще не только не упоминают о невесте, но и дев не толкуют в смысле невест, а понимают их несколько отвлеченно. Стоит отметить и любопытную деталь, что сам блж. Иероним хотя и упоминает невесту в евангельской цитате, но никак далее тему невесты не раскрывает. С другой стороны, и девы у него никак не упоминаются в значении невест.

1) Свт. Иоанн Златоуст (354–407) в своем толковании ничего не говорит о невесте, но никак и не подчеркивает статус дев как невест³.

2) Как представляется, от Златоустовых толкований зависят и блж. Феофилакт, и Евфимий Зигабен.

¹ Преп. Макарий Великий. Собрание рукописей типа II. Беседа 4, 7 // Преп. Макарий Египетский. Творения. М., 2001. С. 269.

² Преп. Феодор Студит. Письмо 65 // Преп. Феодор Студит. Творения. Т. 3 (ПСТСО. Т. 7). М., 2012. С. 170.

³ Свт. Иоанн Златоуст. Толкование на Евангелие от Матфея. 78 // Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста. Т. 7. Кн. 2. М., 2001. С. 784–791.

3) Также ничего не встречается по этому поводу у свт. Амвросия Медиоланского (339–397).

4) Св. Василий Великий (330–379), приводя цитату из Мф. 25:1 целиком, не упоминает о невесте¹.

Остановимся на традиции с упоминанием невесты в тексте данной притчи. Одно лишь упоминание этого слова сильно меняет парадигму восприятия всей притчи целиком с указанной стороны:

1. Ни о какой «полигамии» в данном случае речи не идет. У жениха есть только одна невеста, не важно, как ее можно далее толковать.

2. Девы (10 или 5) не являются невестами на этом браке, но присутствуют в другой роли — возможно, приглашенных гостей.

3. Буквальный смысл притчи уже не вступает в противоречие с общим нравственным учением Христа о моногамии и целомудрии.

4. Нет смыслового разрыва между буквальным и духовным смыслом Писания. Они образуют неразрывное смысловое единство.

5. В плане экзегетическом при истолковании брака не требуется «развоплощения» притчи. Она сохраняет свою ценность и по своей букве.

Конечно, данное упоминание о невесте в евангельском тексте ставит некоторые дальнейшие вопросы о его статусе: например, настоящее ли это евангельское слово или удачная позднейшая прибавка переписчика или толкователя, ставшая элементом евангельского текста? Здесь, конечно, следовало бы обращаться и к данным текстологии, что не входит в компетенцию нынешней статьи.

Теперь же стоит остановиться на толковании Невесты Жениха в этой притче у тех авторов, у которых это есть. Их анализ показывает, что с точки зрения своего значения имеется два толкования: христологическое и экклезиологическое.

¹ *Свт. Василий Великий. Правила нравственные. 16, 1 // Свт. Василий Великий. Творения. Т. 2 (ПСТСО. Т. 4). М., 2009. С. 33.*

1) Свт. Иларий Пиктавийский (315–367) в своем «Толковании на Евангелие от Матфея», хотя и не цитирует прямо Евангельского текста Мф. 25:1, но упоминает о невесте и упоминает ее именно в христологическом смысле: *«Жених и невеста — это наш Господь, Который есть Бог в теле. Ведь что Дух для плоти (то есть жених), то и плоть для Духа — невеста есть.* Когда же вострубит труба громогласно, тогда выйдет она навстречу Жениху: ведь они уже были *одно*, когда смирение плоти обратилось славою Духа»¹.

Как представляется, это единственный случай подобного христологического толкования данной притчи.

2) Упомянутый ранее блж. Августин, напротив, цитируя в «Различных вопросах» текст Мф. 25:1, не упоминает в нем о невесте жениха в составе цитируемого в начале ответа библейского отрывка, но влетает его в текст толкования далее и толкует невесту в смысле экклезиологическом, т. е. Невеста есть Церковь. Но кроме того, он одновременно толкует невесту и в смысле психологическом — как отдельную душу и стремится соединить оба толкования. И такой вариант выглядит наиболее органичным и примиряющим:

- a) он не дематериализует повествования о браке и упоминает невесту жениха;
- b) при этом невеста у него оказывается одновременно и единственной, и множественной в своем единстве — это Церковь как Невеста Христова, состоящая из душ верных, из невест-душ;
- c) как вся невеста идет на брак, так и эти души готовятся стать невестами Христовыми.

Вот как звучит это толкование Августина: «А то, что, как Он сказал, девы вышли навстречу жениху, — это, я полагаю, следует понимать в том смысле, *что из этих самых дев состоит та, что именуется невестой.* Ибо поскольку все христиане соединяются в Церковь, называются

¹ Свт. Иларий Пиктавийский. Толкование на Евангелие от Матфея. XXVII, 4 // PL. Т. 9. Col. 1059.

они сынами, соединяющимися в Матери, хотя из самих собравшихся сынов составляется зовущаяся Матерью. Ибо ныне Церковь обручена и является Девой, ведомой на брачный пир, так как удерживает себя от мирской порчи, а Женой станет тогда, когда, с гибелью всей смертности, будет оплодотворена бессмертным [брачным] соединением. Я обручил, — говорит [апостол], — вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девой (2 Кор. 11:2). «Вас, — говорит, — девой», переходя от множественного числа к единственному. Поэтому они могут называться и девами, и девой... это происходит благодаря тому залогу, который получила Дева-Церковь во время смиренного пришествия своего Жениха. Супругой же станет она Ему в последнее пришествие, когда придет Он в славе, так что она будет уже познавать лицом к лицу»¹.

В проповеди 93 Августин подтверждает эту же мысль: «вот тогда *двери затворились, пришел жених, и невеста, Церковь, прославлена была со Христом, собрав всех членов своих воедино*»².

В комментариях французской Библии 1834 г., очевидно, следующей Августину, можно прочесть: «Невеста — это Церковь, которую победивший Христос ввел в Царство Небесное».

Выше были рассмотрены экклезиологические толкования. Следует перейти и к психологическому — невесты как души: *девы «вошли с Женихом на брачный пир», то есть туда, где чистая душа соединяется, чтобы быть оплодотворенной, с чистым, совершенным и вечным Словом Божиим*»³.

Таким образом, Августин соединяет эти два толкования с достаточной свободой от уз буквального смысла.

¹ *Блж. Августин Иппонский. О 83 различных вопросах. 59, 4. С. 110.*

² *Блж. Августин Иппонский. Проповедь 93, 9 // Библейские комментарии отцов Церкви и других толкователей I–VIII вв. С. 273.*

³ *Блж. Августин Иппонский. О 83 различных вопросах. 59, 3. С. 109.*

Придерживается этого же примирительного толкования и свт. Григорий Двоеслов (540–607), представитель западной традиции: «Какая же тогда будет радость для избранных, которые удостоятся радости видения Того, от Чьего взора сотрясаются все стихии, как они видят и внидут вместе с Ним на браки. Они радуются и о браках Жениха, *и однако же сами суть невеста* (Qui et in sponsi nuptiis gaudent, *et tamen ipsi sunt sponsa*, quia in illo aeterni regni thalamo visioni nostrae Deus coniungitur), потому что в том жилище Вечного Царства Бог сочетается с нашим видением»¹.

И в заключение хотелось бы также привести толкование этой притчи в «Троицких листках». Любопытно что автор уклоняется от буквального понимания дев как невест Жениха и ясно говорит о существовании отдельной от них невесты:

«Тогда подобно будет Царство Небесное, Церковь Христова, сущая на земле, десяти девам (в то решительное время с членами Церкви Христовой произойдет то же, что случилось с десятью девами, приглашенными на брачный пир), которые, взяв светильники свои, вышли навстречу жениху, т. е. приготовились встречать жениха, который должен был ночью прийти в дом тестя за своей невестой.

...Жених «же сказал им в ответ: истинно говорю вам: не знаю вас», не признаю вас своими; так как вас не было в числе подруг моей невесты.

...По обычаю восточному жених, после сговора, одетый по-праздничному, в сопровождении друзей, отправлялся в дом невесты, которая, также в лучших нарядах, окруженная своими подругами, ожидала его прибытия. Обычно торжество происходило ночью, и потому жениха встречали со светильниками. Затем жених и невеста, со всеми участниками торжества, при шумных ликованиях, с пением и музыкой, шли в дом жениха, где пир обыкновенно продолжался до семи дней.

¹ Свт. Григорий Двоеслов. Беседы на Евангелия. 12, 4 // Свт. Григорий Великий, Двоеслов. Творения. М., 1999. С. 90.

... «Но в полночь раздался крик». Это вопль, о котором говорит апостол Павел: «при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией» (1 Фес. 4:16), Господь *сойдет с неба*, сойдет в сопровождении Ангелов, *друзей Небесного Жениха, ведя с Собой невесту — торжествующую Церковь святых Божиих, и ожидая приветствия со стороны Церкви, еще воинствующей на земле*¹.

Таким образом можно видеть неоднозначность понимания данного места и существование нескольких вариантов понимания брака Жениха в церковной экзегетической традиции.

Важным представляется наличие (или включение) в сам Евангельский текст буквального упоминания о невесте, которым предотвращается возможность полигамного истолкования данного брака по его букве.

При этом традиция понимания этого брака как союза Христа с отдельной душой не теряет ценности, т. к. зиждится на богатом экзегетическом материале.

И что еще важнее — этому браку душ со Христом придается экклезиологический, церковный характер, т. е. души — невесты Жениха — соединяются со Христом не в результате каких-то самостоятельных мистических религиозных поисков и практик, но в Церкви. Они и составляют эту Церковь — Единую и Единственную Невесту Христову. Сохраняется и единство Церкви, и человеческая личностная уникальность.

Литература:

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. В русском переводе с параллельными местами. Библейские общества. М., 1994.
2. *Августин, блаженный*. Трактаты о различных вопросах. Богословие. Экзегетика. Этика. М., 2005.

¹ Троицкие листки. СТСЛ., 1896–1899. Т. 5. № 801–1000. С. 613–620.

3. Библейские комментарии отцов Церкви и других толкователей I–VIII вв. Новый Завет. Т. 1 в. Тверь : Герменевтика, 2007.
4. *Василий Великий, святитель*. Творения. Т. 2 (ПСТСО. Т. 4). М., 2009.
5. *Григорий Великий, Двоеслов, святитель*. Творения. М., 1999.
6. *Григорий Нисский, святитель*. Аскетические сочинения и письма. М., 2007.
7. *Иероним Стридонский, блаженный*. Толкование на Евангелие от Матфея. М., 2018.
8. *Иоанн Кассиан Римлянин, преподобный*. Писания. СТСЛ., 1993.
9. *Климент Александрийский*. Строматы. Т. 1–3. СПб., 2003.
10. *Кирилл, архиепископ Иерусалимский, святитель*. Поучения огласительные и тайноводственные. М., 1991.
11. *Макарий Египетский, преподобный*. Творения. М., 2001.
12. *Мефодий, святой епископ и мученик*. Полное собрание творений. СПб., 1905, М., 1996.
13. Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста. Т. 7. М., 2001.
14. Троицкие листки. СТСЛ., 1896–1899. Т. 5. № 801–1000. С. 613–620.
15. *Феодор Студит, преподобный*. Творения. Т. 3 (ПСТСО. Т. 7). М., 2012.

P. K. Dobrotsvetov

The Groom's Bride in the Parable of Ten Virgins (Matt. 25:1-13) according to Patristic Interpretations

The article deals with the Gospel parable of ten virgins (Matt. 25: 1-13) from an unusual angle expressed in the question of the Groom's bride. On the one hand rejecting the literal understanding of this parable as polygamous and therefore conflicting with the Gospel monogamous ideal, on the other hand the author calls attention to the tendency to a gap between the literal and spiritual meanings in its understanding, and what is more, to the lack of its interpretation in the Gospel text. The appeal for the explanations to patristic exegesis reveals as two textual traditions of the Gospel text (Vulgate—Peshitta and Greek tradition) the first of which includes the mention of the Groom's bride, so the resulting three revealed exegetical traditions of understanding the reality of marriage in this parable. The study of discovered patristic interpretations of the Groom's bride mentions opens the christological, ecclesiological and psychological meanings of a number of Latin exegetes III–VII cent. and the desire for their harmonious combination in the exegesis of beat. Augustine of Hippo.

Keywords: the parable of ten virgins (Matt. 25:1–13), patristic exegesis, exegetical traditions, Vulgate, Peshitta, monogamy, polygamy, Augustine of Hippo.

Pavel Dobrotsvetov – Candidate of Theology, Candidate of Science in Philosophy, Moscow Theological Academy (agathantos@list.ru).